

Советская историография российской социал-демократии занималась преимущественно изучением большевизма и его победоносной борьбы со всеми оппонентами, в том числе и меньшевиками¹. Даже один из меньшевистских лидеров Ф.И. Дан, восхищенный победой СССР над фашистской Германией, назвал свою посмертно изданную в 1946 г. книгу «Происхождение большевизма». О происхождении же меньшевизма написано сравнительно немного, хотя II съезду РСДРП, со времени проведения которого историки традиционно делили членов РСДРП на большевиков и меньшевиков, посвящено множество работ, в том числе и историографических. При этом советская историография большевизма в разное время оценивалась по-разному. В.И. Злобин в 1980 г. писал в основном о ее достоинствах, В.П. Булдаков в 1997 г. отозвался о ней негативно, а М.И. Смирнова в 1999 г. дала более сбалансированную оценку². Для Злобина ленинские высказывания о ходе и результатах II съезда РСДРП, естественно, не подлежали сомнению и обсуждению. Он поддерживал мнение о принципиальном характере расхождений делегатов съезда при обсуждении § 1 устава партии и о том, что именно со II съездом связано рождение большевизма, ставшего партией нового типа³. Смирнова исходила уже из результатов исследований постсоветской поры, среди которых можно особо выделить работу безвременно ушедшего из жизни А.А. Овсянникова. Он, в частности, считал, что работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад» явилась первым большим исследованием съездовских протоколов, хотя в ней было много декларативного и конъюнктурного, что выразилось в неоднократном подчеркивании Лениным революционности большевиков и оппортунизма их оппонентов. Но если до октября 1917 г. Ленин характеризовал большевиков и меньшевиков как две фракции внутри одной партии, то после прихода к власти взгляды Ленина на историю РСДРП претерпели существенные изменения. Так, в книге «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» он заявил, что «большевизм существует как течение политической мысли и поли-

14

тическая партия с 1903 года»⁴, а меньшевики изначально превратились для него в представителей «мелкобуржуазно-демократического» течения, которых он называл «учеными дураками» и «старыми бабами», «оппортунистической швалью» и т.д. Он игнорировал общие программные цели большевиков и меньшевиков до февраля 1917 г. и оставалось неясным, почему в 1906 г. обе фракции РСДРП заявили о своем единстве, если одна из них выражала интересы пролетариата, а другая была глашатаем интересов мелкой буржуазии.

Понятие «большевизм» восходит ко времени послесъездовских дискуссий, но осознание его рядовыми членами партии (не говоря уже о широких массах населения) как самостоятельного политического и социокультурного феномена фактически произошло лишь после октября 1917 г.⁵ То же самое можно сказать и о меньшевизме. Позже послеоктябрьские ленинские высказывания легли в основу данного в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» определения большевизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, а борьбы большевиков с меньшевиками - как необходимого условия очищения партии от «оппортунистических элементов»⁶. Меньшевизм же в советской историографии стал квалифицироваться как одно из «мелкобуржуазных течений».

Заметим, однако, что разделение делегатов II съезда РСДРП на большевиков и меньшевиков носило вначале условный характер и произошло в рамках единой партии. Ленин подчеркивал, что «большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года»⁷. Аналогичная картина была и у меньшевиков: по мнению известного американского историка Л. Хеймсона, меньшевизм стал принимать форму особого политического движения «лишь после коллапса великих революционных надежд 1905 г.» С.В. Тютюкин и В.В. Шелохаев полагают, что раскол на II съезде стал лишь началом оформления социал-демократических фракций в РСДРП, которые окончательно разошлись только в 1917 г.⁸ Думается, что раскол среди российских приверженцев марксизма наметился еще до 1903 г., на съезде эти расхождения нашли отражение в создании двух фракций, но формально все разговоры о единой РСДРП прекратились только в марте 1918г., когда большевики переименовали свою партию в РКП(б).

Современники событий и историки по-разному оценивали расхождения между Лениным и Мартовым на II съезде и факт создания двух фракций в РСДРП. Л.Д. Троцкий полагал, что «непосредственного практического значения это противоречие не имело», так как «правом решающего голоса по обеим формулам наделялись только члены нелегальных организаций». По мнению Троцкого, на съезде «Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и навсегда»⁹. При этом Троцкий не объяснил, каким образом разногласия, не имевшие «практического значения», привели к тому, что Ленин и Мартов - до того близкие товарищи - вдруг стали непримиримыми

политическими противниками. Делегат съезда Н.Н. Жордания в воспоминаниях отмечал, что о расколе на съезде в местных комитетах было известно мало, а спор между Лениным и Мартовым представлялся ему «толчением воды в ступе» и именно поэтому он тогда и не примкнул ни к одной из фракций. А.В. Луначарский вспоминал, что происшедшее на съезде его удивило и возмутило. Данных об этом было мало, среди слухов был и такой: «Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии», а Мартов и Аксельрод «не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана..»¹⁰ Наконец, К. Каутский позже писал, что раскол на II съезде партии «явился неосознанным протестом части "искровцев" против сменившей "кустарничество" "экономистов" гипертрофии централизма, против культа заговорщической "организации профессиональных революционеров", подчиненной диктаторскому центру с Лениным во главе и призванной руководить "готовыми к повиновению" рабочими массами»¹¹.

Авторы предисловия к берлинскому изданию переписки Аксельрода и Мартова (1924) утверждали: «Кто может сомневаться в этом теперь, когда из ничтожных разногласий по § 1 устава, расколовших русскую социал-демократию на лондонском съезде 1903 г. на две обособленные фракции, так явственно для всех выросли два на-

15

правления пролетарской мысли - социализм и коммунизм, раскалывающие ныне рабочий класс всего мира..»¹². В этом утверждении некорректно, на мой взгляд, лишь одно: из «ничтожного разногласия» не могло появиться двух направлений «пролетарской мысли». На схожей точке зрения ныне стоит и А.Н. Яковлев, утверждая, что причина раскола на II съезде партии «была пустяковой», но сам раскол сыграл «гибельную роль» в дальнейшей судьбе страны¹³.

Следует признать, что подоплекой раскола стал принципиальный вопрос о том, какой быть партии, претендующей на власть: партией «нового» или западноевропейского типа. Наверное, были причины и личного характера: Ленин не мог простить Мартову своего первого крупного политического поражения при голосовании спорного параграфа устава, причем Ленин проиграл в споре по организационному вопросу, где по праву считал себя первым среди равных. После съезда он защищал свою позицию яростно, не стесняясь в выражениях по адресу оппонентов. Это вызвало ответную гневную реакцию Мартова, который писал о книге «Шаг вперед, два шага назад»: «Стоит читать эти строки, дышащие мелкой, подчас бессмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слепой, глухой и вообще какой-то бесчувственной яростью, это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных "бойких" и "хлестких" словечек, чтобы убедиться, что перед нами человек, фатально вынужденный катиться дальше по той плоскости, на которую он "стихийно" встал и которая прямехонько ведет его к полному политическому развращению и раздроблению социал-демократии..»¹⁴.

Взаимная критика Ленина и Мартова меняла свой характер и остроту в зависимости от сближения или расхождения их позиций. Н.К. Крупская в этой связи приводила характерный пример. Она вспоминала, как Ленин, готовя текст работы «Шаг вперед, два шага назад» для сборника «За 12 лет» (1907), выбросил главу «Устав партии. Проект т. Мартова». «Надо сказать, - отмечала Крупская, - что "Шаг вперед...", подводящий итоги чрезвычайно болезненно переживавшейся Владимиром Ильичем склоки, стоил Владимиру Ильичу очень многого. Эта глава, "Устав партии. Проект т. Мартова", особенно тяжело далась Ильичу. Мне трудно было бы представить, как эту главу можно выбросить. "Почему ты выбрасываешь это?" - спросила я Владимира Ильича. Он ответил не сразу, видно было, как он думал о чем-то, ушел в себя, потом ответил небрежно как-то: "Теперь это ни к чему"»¹⁵.

Несостоявшееся согласие

Делегаты II съезда РСДРП (за исключением наиболее видных представителей обоих направлений и тех, кто им слепо доверял) не придали вначале большого значения полемике между Лениным и Мартовым о принципах организационного строения партии или предложениям А.Н. Потресова и П.Б. Аксельрода о союзниках РСДРП в борьбе с самодержавием, тем более что по ряду важных вопросов на том же съезде лидеры «искровцев» были солидарны. Известно, что они согласованно принимали программу РСДРП. Резолюция Ленина о неприятии террора как метода политической борьбы на съезде даже не голосовалась, потому что ни у кого не вызвала прямых возражений. Не расходились и взгляды Ленина и Мартова на место Бунда в РСДРП. Именно Мартов - в свое время один из основателей Бунда - выступил на съезде против его требований быть особым представителем еврейского пролетариата и поэтому занять в партии автономное положение¹⁶.

Однако и до обсуждения организационных вопросов не все на съезде шло гладко. Так, в ходе рассмотрения программы возник вопрос об отмене в будущей демократической России смертной казни. Однако соответствующее предложение Л.П. Махновец было встречено насмешливыми возгласами: «и для Николая II?» и затем отвергнуто¹⁷. Были и другие вопросы, по которым на съезде шли дискуссии:

проблема диктатуры пролетариата, аграрная программа, проект культурно-национальной автономии и др.

16

Но главным предметом спора стали вопросы организационного строительства партии, хотя позже Ф.И. Дан писал, что организационные разногласия на съезде были «лишь оболочкой начинающегося идейно-политического расхождения, куда более глубокого и, главное, более стойкого»¹⁸. В этой связи достаточно напомнить лишь об одном из эпизодов съездовской дискуссии, Делегат В.Е. Мандельберг (Посадовский) поставил вопрос: «Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?» Мандельберг, после съезда примкнувший к меньшевикам, высказался в пользу последнего тезиса. Его тут же поддержал Плеханов, заявивший, что «успех революции - высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться»¹⁹. Позже большевики оправдывали ряд своих действий именно этим соображением, тогда как меньшевики, допуская отдельные ограничения демократии, настаивали на том, что в принципе защита демократических ценностей должна быть для марксистской партии аксиомой, а прагматическое манипулирование ими может иметь поистине фатальные последствия и для самой партии, и для страны в целом.

На съезде были обсуждены также проекты резолюции об отношении РСДРП к либеральному движению и к партии эсеров. Проекты решения об отношении к либералам были предложены Потресовым и Плехановым - Лениным. Оба они исходили из необходимости принятия РСДРП всякого движения, «направленного против существующего в России общественного и политического порядка», но проект Потресова был нацелен на укрепление сотрудничества с либеральными организациями, а плехановский делал акцент на разоблачении П.Б. Струве и журнала «Освобождение». Видный деятель и историк меньшевизма Б.И. Николаевский увидел в этом «принципиальное существо будущего политического расхождения между меньшевиками и большевиками»²⁰. Это утверждение Николаевского позже было поддержано западными и российскими историками²¹. В предложенной съезду резолюции об отношении к эсерам П.Б. Аксельрод характеризовал последних как конкурентов социал-демократии, с которыми постоянный союз невозможен, но временные соглашения могут иметь место. В дальнейшем, особенно в 1917 г., меньшевики уже видели в эсерах прежде всего своих партнеров по демократической коалиции.

Обсуждение § 1 устава партии выявило наличие двух концепций формирования и функционирования РСДРП. Как заметил в ходе обсуждения этого вопроса делегат съезда Егоров (Е.Я. Левин), Ленин сужал, а Мартов расширял понятие «партия» до того уровня, где открывается дверь в «демократизм». Его поддержал Аксельрод, заявивший, что в формулировке Ленина § 1 противоречит сущности и задачам социал-демократической партии²². Думается, на съезде обнаружилось различное понимание делегатами многих проблем строительства партии, ее политической тактики, роли внутрипартийной демократии. Все это вместе взятое и разделило не только бывших редакторов «Искры», но и делегатов съезда.

В исторической литературе можно встретить самые различные суждения о причинах раскола РСДРП: разрыв произошел по вопросу о составе редакции «Искры» и ЦК (В.Х. Тумаринсон), из-за раздражения Мартова по поводу ленинского проекта централизации партии (Н.А. Шерстянников). Один из современных историков меньшевизма С.В. Тютюкин обосновывает причины раскола РСДРП совокупностью многих обстоятельств: неоднородностью социалистического движения в России на рубеже XIX-XX вв., острой внутренней борьбой внутри РСДРП, где были «экономисты» и «политики», централисты и автономисты, сторонники унитаризма и партийного федерализма. Он указал на то, что борьба вокруг разного понимания марксистских догматов в РСДРП сразу же приняла гипертрофированные размеры и весьма ожесточенный характер, так как в России революционное нетерпение и идеологическая нетерпимость были едва ли не самыми характерными чертами интеллигенции, составлявшей тогда

17

основу всех политических объединений и групп. По мнению Тютюкина, в России начала XX в. недоставало объективных предпосылок для нормального, полноценного развития социалистического движения и потому особенно был силен субъективный фактор, причем многие дискуссии заканчивались организационными выводами и навешиванием на оппонентов ярлыков «отступников», «врагов» и «ревизионистов». В отличие от других партий II Интернационала, российские социал-демократы предпочитали раскол возможному компромиссу²³.

Наиболее обоснованные, на мой взгляд, причины съездовской полемики назвал Потресов. На первое

место он поставил традиционное со времени начала издания «Искры» стремление размежеваться с инакомыслящими. Но главное, по его мнению, было в другом: на смену легальной проповеди марксизма Струве и плехановской ортодоксии пришел «марксизм кружкового подполья». Именно из его среды вышли революционеры, тяготевшие, с одной стороны, к эволюции, а с другой - к быстрым прямым действиям. Раскол произошел из-за желания одних встать под «твердую руку» вождя и опасения других, что ретивые исполнители погубят само движение²⁴. Политическая культура «марксизма кружкового подполья» также оказалась разной. Ее представителей трудно поделить на сторонников конфронтации и компромиссов, которые были среди будущих большевиков и меньшевиков. Но лидерами обеих групп оказались представители разных культур, тяготеющих к якобинству или, наоборот, к демократическим принципам социал-демократии. Экстремизм и политическая культура подполья, связанная с подозрительностью и постоянным поиском врага, стала характерной для большевиков²⁵.

Из писем Мартова Аксельроду, написанных сразу же после завершения II съезда РСДРП, видно, что ни Мартов, ни Ленин вначале не хотели отказаться от единства «искровцев», нарушенного во время съездовских дискуссий. В письме от 31 августа 1903 г. Мартов сообщил Аксельроду, что виделся с Лениным и тот просил передать всем «противникам» предложение о сотрудничестве²⁶. Однако им тогда не удалось договориться ни о персональном составе редакции «Искры», ни о представительстве в ЦК и Совете партии, ни об уставе «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». Мартов и его приверженцы увидели в действиях Ленина, поставившего своей задачей любой ценой обеспечить большевикам преобладание в центральных органах РСДРП, стремление ввести в партии режим «осадного положения» и ущемить оппозицию в праве на защиту своих взглядов. Мартов говорил и о нравственных проблемах, вставших перед ним, когда Ленин предложил ему войти в состав редакции «Искры», исключив из нее трех прежних редакторов - Аксельрода, Засулич и Потре-сова. Мартов считал принятие подобного предложения «морально недопустимым»²⁷.

Во время съезда в большинстве оказывались сторонники то Ленина, то Мартова. За последним было большинство делегатов съезда при принятии стратегически важного решения по вопросу о дальнейшем организационном строении партии (§ 1 устава), тогда как Ленин приобрел большинство голосов при выборе руководящих органов партии случайно, после ухода со съезда части потенциальных сторонников Мартова, прежде всего бундовцев. Поэтому Мартов не раз отмечал условность употребления Лениным понятия «большинство». Однако для Ленина, со всех точек зрения, было очень важно внушить всем, что большинство партии и рабочих идет за ним, что большевизм сильнее меньшевизма²⁸. Со временем под влиянием большевистской пропаганды случайность появления понятий «большевик» и «меньшевик» как-то забылась. Между тем Мартов с полным основанием мог объявить в 1903 г. своих сторонников «большевиками» после голосования по вопросу о § 1 устава партии. Однако последующие события и особенно октябрьская победа Ленина и его сторонников в 1917 г. окончательно закрепили за термином «большевизм» оттенок его идейного превосходства и численного перевеса над меньшевизмом, сохранившийся до наших дней.

В декабре 1903 г. Мартов от имени редакции «Искры» так разъяснял местным комитетам РСДРП то, что произошло на II съезде партии и после него: «Оглядываясь теперь. .. на этот раскол, приходится признать, что в основе его лежало глубоко различ-

18

ное отношение т. Ленина, с одной стороны, и нас - с другой к основным началам организационной политики". По мнению Мартова, обе стороны хотели создать сильную централизованную партийную организацию, но разошлись при обсуждении того, как это сделать. Ленин считал, что власть в партии должна принадлежать группе «твердых» «искровцев», находящихся за границей, но большинство редакции полагало, что заграничное руководство помешает появлению полноценных лидеров в самой России, где собственно и развертывается революционное движение, а также будет культивировать слепое и сугубо принудительное подчинение комитетов РСДРП находящимся в эмиграции вождям, которое совершенно неприемлемо для демократической партии. «Для нас главным критерием была принципиальная устойчивость, революционная энергия и деловитость. Для Ленина, который, конечно, ценил эти качества не менее нас, выше их стояла степень организационной близости кандидата к редакции», а фактически к нему самому и его ближайшему окружению²⁹.

Из предыстории раскола

В настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что меньшевики, как и большевики, были марксистами. Однако среди российских историков превалирует мнение, что понимали они марксизм по-разному и что основной причиной расхождений между Лениным (большевиками) и Мартовым (меньшевиками) стала разная интерпретация марксизма применительно к условиям России. И те и другие исходили из положений ортодоксального марксизма, но большевики лучше учли конкретно-исторические условия и особенности российского менталитета, а меньшевики преувеличивали значение

опыта революций на Западе XVII-XIX вв. и занимали догматическую позицию, постоянно ориентируясь при анализе революционных событий в нашей стране на французские или немецкие образцы. Ленин же считал, что в силу ряда причин (сугубо нелегального характера деятельности РСДРП, преимущественно интеллигентского на первых порах состава партии и др.) социал-демократическая партия западноевропейского образца непригодна для подготовки и осуществления захвата власти в России и поэтому здесь нужна революционная марксистская партия нового типа³⁰.

Ныне в свете исторического поражения КПСС после семи десятилетий Советской власти вопрос о закономерности или случайности событий октября 1917 г. вновь стал дискуссионным. Большевизм как леворадикальное течение явно вырос из «крестьянского недоедания». Но он не был чисто российским явлением, хотя и имел в России более глубокие социальные корни. Точно так же не только российским явлением был и меньшевизм. Оба эти течения исходили из отрицания буржуазного строя, что было широко распространено среди западноевропейской интеллигенции, но большевики восприняли традиции радикализма, особенно российского, а меньшевики - либерализма. Наверное, прагматический склад характера, склонность к лидерству, понимание силы российских маргиналов действительно сыграли немалую роль в том, что Ленин стал адептом радикального большевизма. Вероятно, он лучше других сознавал значение российской традиции, ибо в России уже были попытки управлять страной «по своей идее». Это пытались сделать Иван Грозный при помощи опричнины и Петр I, также применявший пытки и казни. Давно замечено историками и политологами, что «идейный» лидер, как правило, воплощает свою идею с особо жестокой энергией³¹.

В постсоветских работах можно прочесть о том, что меньшевики - это фракция РСДРП, организационно оформившаяся после II съезда партии и получившая название по результатам выборов в ее центральные органы. В них подчеркивается, что в начале меньшевики и большевики входили в одну партию с общей программой и уставом, хотя работа Ленина «Что делать?», составившая идейную основу партии «нового» типа, была написана еще до размежевания российских социал-демократов³². Действительно, книга Ленина, изданная в 1902 г. и содержавшая план создания централизованной партии профессиональных революционеров, была встречена социал-демократами разных убеждений с интересом и даже одобрением. Именно здесь Ленин заявил об организа-

19

ции революционеров, готовых «перевернуть Россию». По его мысли, это должно быть «маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных... людей», нацеленных на захват политической власти³³. Эта организация, задуманная Лениным в 1901-1902 гг., позже превратилась, по определению Сталина, в своеобразный «орден меченосцев».

Книгу «Что делать?», а значит и ее идеи в то время поддержали Плеханов, Мартов, Потресов и другие социал-демократы. Плеханов делал это и на заседаниях II съезда партии, хотя чуть позже стал находить в этой работе Ленина лишь теоретическую путаницу и ошибки. Мартов и много лет спустя после публикации книги Ленина «Что делать?» отмечал ее «совершенно исключительную роль» в распространении влияния «искровских» идей на «широкие партийные круги», подчеркивая, что, «несмотря на все теоретические ошибки и практические увлечения, а может быть именно благодаря им, книжка Ленина... приобрела чрезвычайную популярность». Мартов заявлял, что идеи, изложенные в «Что делать?», «шли навстречу настроением наиболее активных организаторов и агитаторов партии, утомленных годами организационного топтания на месте...», что их нельзя было не поддержать³⁴. Плеханов же объяснял свою поддержку ленинской книги надеждой на то, что «инстинктивный» марксизм Ленина превратится со временем в марксизм сознательный, однако, когда реальная действительность опрокинула эти его ожидания, он решительно выступил против предложений Ленина³⁵. И все же эти разъяснения не дают ответа на вопрос, почему Плеханов, первым забивший тревогу по поводу ленинских идей в «Что делать?», на съезде поддержал Ленина, а Мартов и Потресов, которые отнеслись к этому произведению лояльно, выступили против?

Единственным, кто с самого начала отнесся к идеям Ленина отрицательно, был Аксельрод. Он во всем поддержал Мартова на II съезде РСДРП, примкнул к «меньшинству», а затем опубликовал в «Искре» статью «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», которая по существу явилась ответом на книгу Ленина «Что делать?» Позже Потресов заявлял, что Аксельрод «первый... сумел не только забить тревогу, но и принципиально определить ту опасность, которая грозила всему развитию рабочего и социалистического движения в России, от направления мысли и практики, заложенных в идеях Ленина». Для него большевизм - это «враг социал-демократии»³⁶. В.П. Акимов (Махновец) критиковал Плеханова даже за молчаливую поддержку Ленина: «Когда Ленин в "Что делать?" искажил основные принципы научного социализма, Плеханов молчал, он молчал и когда принимался проект программы партии, явно расходящийся с тем, что ранее писал Плеханов»³⁷.

Непоследовательность Плеханова, Мартова и Потресова их товарищи по партии объясняли по-

разному. Потресов винил в этом кружковые традиции, а Г.Я. Аронсон -совестливость Мартова, который был категорически против вывода из состава редакции «Искры» троих своих товарищей и отказался быть одним из редакторов, после чего его сторонники не захотели войти в состав ЦК³⁸. Это и послужило поводом для создания двух фракций на съезде. По наблюдениям Л. Хеймсона, беседовавшего со многими еще жившими в 1950-е гг. в США меньшевиками-эмигрантами, для них эталоном, олицетворением теплых, товарищеских отношений оставалась работа в редакции «Искры». Даже перед лицом раскола между большевиками и меньшевиками в 1903 г., писал он, Л.О. Дан и почти все члены ее кружка, которые участвовали в деятельности «Искры», все еще считали, что период основания «Искры» был «одним из наиболее важных и плодотворных в истории социал-демократии»³⁹.

Ленин создал свою концепцию организации революционной партии еще до появления большевиков и меньшевиков, но она подверглась серьезной критике только на II съезде и особенно после его завершения. Но и тогда эта критика носила еще довольно лояльный характер. Достаточно напомнить попытку А.И. Гельфанда (Парвуса) в 1904 г. примирить фракционеров. В письмах Аксельроду и Потресову он подчеркивал, что единство партии важнее личной вражды⁴⁰. Поэтому утверждение о возникновении большевизма и меньшевизма на II съезде РСДРП нуждается в корректировке.

20

Как писал Потресов, в то время идейный антагонизм между единым дотолем марксистским революционным течением находился еще в «эмбриональном состоянии» и наполнился «общественно-политическим содержанием» только к концу 1904 - началу 1905 гг.⁴¹

Вместе с тем, чтобы лучше понять истоки большевизма и меньшевизма, нужно вспомнить всю историю распространения марксизма в России. Советская историография представляла этот процесс почти триумфальным шествием, называя лидеров народничества, анархизма и различных реакционных течений его противниками. Российская общественность познакомилась с идеями Маркса в 1840-е гг.⁴², и с тех пор число их приверженцев в стране только возрастало. Историки подчеркивали, что идеи Маркса стали особенно популярны в России с 1880-х гг., когда появились социал-демократические организации в самой стране. В постсоветской историографии отмечалось увлечение марксизмом в конце XIX в. многих авторов «Вех» (из 7 участников этого сборника статей 6 были сначала социал-демократами и порвали с марксизмом в начале XX в.⁴³). А.В. Тыркова-Вильямс, хорошо знавшая многих лидеров социал-демократии той поры, отмечала в воспоминаниях полное согласие с идеями Маркса, царившее среди его первых российских последователей. «Туган-Барановский твердил марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран, - писала она. -Экономический материализм был для него не только научной истиной, но и святыней. И он, и Струве были совершенно уверены, что правильно приведенные изречения из "Капитала" или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения, все споры. А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты... Люди, казалось бы, неглупые принимали эту мертвую кабалистику за научную теорию. Но русские пионеры марксизма купались в этой догматике, принимали ее за реальность. Жизни они не знали и не считали нужным знать. Меньше всего их интересовали те, ради кого все эти теории сочинялись, живые люди. Они, особенно Струве, их не замечали. У Тугана все же было любопытство к отдельным людям, была своеобразная мягкость... было простодушие, которого я ни в Ленине, ни в Струве не замечала»⁴⁴. Но, как отмечают исследователи деятельности Струве, он и в период увлечения марксизмом отдавал предпочтение эволюционному пути развития страны. Поэтому его разрыв с Лениным в начале 1901 г. только отразил бесперспективность их организационного и идейного сотрудничества⁴⁵. Тыркова, наверное, была права, подчеркивая апологетическое отношение Струве и Туган-Барановского к марксизму на начальном этапе их знакомства с этим учением, которое потрясло их своей новизной и логикой. Но вскоре наступило разочарование, и они избавились от обожествления работ Маркса.

Хорошо известно о расколе в среде последователей Маркса в конце XIX в., когда его критики особенно ярко проявили себя в Германии (Э. Бернштейн) и России (П.Б. Струве). Потресов отнесся к критическим выступлениям Струве, Туган-Барановского и Булгакова против марксизма с «бешенством» и даже взял себе псевдоним «Старовер». Ленин был настроен вначале примирительно⁴⁶. Но это не помешало Струве и Туган-Барановскому принять участие в псковской совещании (начало апреля 1900 г.), где обсуждался вопрос об издании газеты «Искра» и журнала «Заря».

Итоги этого совещания с участием Ленина, Мартова, Потресова, А.М. Калмыковой, С.И. и Л.Н. Радченко в исторической литературе и мемуарах оценивались по-разному, причем историки КПСС в свое время акцентировали внимание на разногласиях между революционными и «легальными» марксистами. По словам Мартова, на совещании Струве и Туган-Барановский заявили, что, несмотря на ортодоксально-марксистское направление готовящихся изданий, они готовы их поддержать за призыв к организации политической борьбы с самодержавием. Мартов вспоминал, что Ленин и Потресов были

убеждены в неизбежности ухода Струве из «социалистического лагеря в лагерь буржуазного либерализма», но считали возможным сотрудничать с ним, если он и его сторонники удовлетворятся ролью «второй скрипки» и увидят, что «нам с нашим "ортодоксальным" знаменем удалось организовать сильную революционную партию действия». В дальнейшем, писал Мартов, Ленин и Потресов были за соглаше-

21

ние с группой Струве, но Ленин «мыслил себе это соглашение "с камнем за пазухой"», тогда как Потресов «считался с тем, что соглашение морально обязывает обе стороны, и полагал, что на нашу оно наложит обязательство гибкой тактики, способной закрепить первоначальный успех».

Потресов исходил из того, что сотрудничество социал-демократии с демократическими элементами «сможет закрепить на долгое время идейную гегемонию первой над вторыми». Сам Мартов был убежден в том, что «прежде, чем объединиться, надо размежеваться», а затем создать партию, «способную быть исторической преемницей "Народной воли"». Ленин скептически относился к идее Потресова и был в принципе согласен с Мартовым, но стремился использовать сложившуюся ситуацию так, «чтобы взять у будущих либералов все, что они сегодня могут дать в смысле поддержки нашей организации, - их средства, их влияние, их таланты, - с тем, чтобы завтра, когда с ними уже будет не по пути, выбросить их, как выжатый лимон»⁴⁷. Когда на II съезде РСДРП Потресов предложил резолюцию о сотрудничестве с либералами, Ленин выступил против, «вынув камень из-за пазухи» и бросив его в недавнего союзника - Струве.

Заметим лишь, что часть «легальных марксистов» и «экономистов» отошла от марксизма в силу критического восприятия его отдельных догм и покинула социал-демократическое движение. Отношение к ним российских марксистов было нетерпимым, их возражения Струве больше напоминали пропаганду отдельных положений Маркса, чем научную аргументацию. Для ортодоксальных марксистов не имело значения, были критические замечания в адрес отдельных положений марксовской теории правильны или нет. Они считали их ересью, не имеющей права на существование. В то же время они использовали критику «легальных марксистов» для собирания сил своих сторонников, и, перефразируя известное изречение Вольтера, можно сказать, что если бы таких критиков не было, их нужно было бы выдумать.

Плеханов, представляя партию как организацию единомышленников, критиковал немецких социал-демократов за отказ исключить Э. Бернштейна из партии и заявлял о борьбе с бернштейнианством в России как «насущнейшей задаче минуты». Он с яростью набросился на Струве и тогда же потребовал исключить из социал-демократических организаций С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову за «экономизм»⁴⁸. Ленин был настроен в отношении Струве столь же решительно. Один из первых русских социал-демократов врач К.М. Тахтарев вспоминал, как в самом начале 1900-х гг. Ленин в беседе с ним назвал Струве «изменником и ренегатом». Тахтареву это показалось несправедливым по отношению к недавнему товарищу, и он обратил внимание Ленина на «возможные последствия подобного клеймения Струве», сказав: «А что если кто-либо из рабочих... под влиянием травли Струве на страницах "Искры" вдруг решится расправиться с ним, или даже убьет его как "изменника и ренегата"? - "Его и надо убить", - ответил мне Владимир Ильич... Я все же стоял на своем, пытаюсь убедить Владимира Ильича в том, что некоторые из тех выражений, которые он пускал по адресу Струве, неподходящи и некоторые его полемические приемы недопустимы. "А что же, - возражал он мне, горячась, - по-вашему, мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?" Видя, что наш разговор о Струве слишком задевает Владимира Ильича за живое и сильно его горячит, я не решился продолжать и умолк, думая, что замшевые рукавицы все же лучше ежовых»⁴⁹. Известно, как Ленин использовал не предназначенное для печати «Средо» Е.Д. Кусковой, объединив 17 социал-демократов для выражения протеста против ее утверждения о приоритете экономических требований в борьбе российских рабочих за свои права. Крайняя нетерпимость к инакомыслию отличала тогда и Плеханова, и Ленина, и это, наверное, стало одной из причин их объединения во время II съезда РСДРП. На эту нетерпимость Ленина как черту его характера обращал внимание и Струве. В 1890-х гг. он посылал Ленину в ссылку книги, нужные для работы над «Развитием капитализма в России», и отмечал, что главным разногласием с Лениным в ту пору был спор о степени развития капитализма в стране. Струве был против возможности «скачка через капитализм» к декретированному социализму, который, по его мнению, предлагал Ленин⁵⁰.

22

Социал-демократическое движение в России было не только частью освободительного движения на рубеже XIX-XX вв., но и продолжателем многих традиций, заложенных его участниками до них. Вот почему, говоря об исторических корнях раскола РСДРП, мы должны обратиться к истории освободительного (антисамодежавного) движения в России XIX в.⁵¹ Еще Плеханов, говоря о своем времени, полагал, что «наши нынешние взгляды представляют собой органический продукт истории

русского революционного движения», и видел «единство направления», по которому «шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов»⁵².

Разумеется, в пылу политической борьбы первые российские марксисты весьма отрицательно относились к критикам избранного ими учения - М.А. Бакунину, П.Н. Ткачеву, Н.К. Михайловскому и другим, всячески показывая свое негативное отношение к народничеству, из рядов которого многие из них недавно вышли. Постсоветская историография посвятила этому сюжету более объективные исследования. Подробно описывая отношения Маркса и Энгельса с русскими общественными деятелями и постоянный интерес основоположников марксизма к перспективам русской революции, историки в последние годы стали более откровенно анализировать такие аспекты данной проблемы, о которых в советское время принято было молчать. Они начали писать о недостаточном знании Марксом и Энгельсом российских реалий, их (а позже и Ленина) прагматизме и бесцеремонном отношении к оппонентам, о том, что они допускали как временное явление примат политики над экономикой (для большевиков это стало затем постоянным руководством к действию) и даже установление диктатуры пролетариата мирным путем. Марксизм в России восприняла (и то по-разному) в основном радикально-демократическая интеллигенция, тогда как либерально-демократическая его отвергла не в последнюю очередь потому, что «за интересом Маркса к России - серьезным и неиссякаемым - русские не ощутили его причастности к судьбам страны, тревоги за нее, сочувствия ее бедам»⁵³.

Изучение народничества привело к выявлению некоторых народнических корней большевизма. Так, было подтверждено мнение Н.А. Бердяева, а также ряда советских и западных историков о влиянии бланкизма и идей Ткачева на развитие взглядов Ленина⁵⁴. Значительное число исследований было посвящено воздействию на последнего трудов Чернышевского⁵⁵. Вместе с тем современный непредвзятый анализ работ Чернышевского показал, что и он, и Герцен при определенных условиях допускали способность русской крестьянской общины «стать отправной точкой социалистического развития». Это позволило бы России миновать стадию капитализма, что было характерно для народнических устремлений. Характерно другое: если народовольческое и бланкистское влияние на Ленина и большевизм исследователями устанавливалось довольно определенно, то аналогичное их воздействие на меньшевизм и его лидеров почти не прослеживалось. В начале 1960-х гг. С.М. Шварц, готовя к публикации большую работу по истории формирования большевизма и меньшевизма, пришел к выводу, что большевики в какой-то мере продолжали традиции «Народной воли», а меньшевики - традиции «хождения в народ» и идеи Лаврова⁵⁶. Этот вывод подтвердил Тютюкин, отметивший увлечение лидеров большевизма идеями русского политического радикализма (Бакунин, Ткачев, Нечаев), а меньшевиков - Лавровым и расценивший этот факт как «генетический заряд будущего раскола»⁵⁷. Но можно допустить и такой вариант, при котором лидеры большевиков и меньшевиков пришли к аналогичным выводам вполне самостоятельно, поскольку сводить процесс их духовного развития только к заимствованиям из наследия предшественников было бы явным упрощением. Нельзя не сказать здесь еще об одном источнике формирования взглядов первых российских марксистов, а именно об опыте западных социалистов, с которым они знакомились во время эмиграции⁵⁸. Известно, что в политическом и экономическом отношении Россия была страной, догонявшей цивилизованное западное сообщество. В Европе примерно в таком же положении находилась Германия. Поэтому можно увидеть так много общего в развитии социал-демократического движения этих двух стран. Заметим, что марк-

сизм и его наиболее радикальное продолжение - ленинизм возникли именно в этих не самых развитых странах Европы, причем появление в них марксистской идеологии было внутренней потребностью общества, его реакцией на необходимость перемен⁵⁹. Об отсталости России и медленности ее европеизации писали Плеханов и многие другие представители социал-демократического движения и не только они⁶⁰.

Россия в конце XIX в. представляла собой страну «второго эшелона» развития капитализма. Поэтому политические партии в ней возникли примерно на полстолетие позже, чем в Западной Европе и США. Маркс, Энгельс, Ф. Лассаль создавали социал-демократические партии в период подъема рабочего движения в западных странах. Эти партии начинали функционировать, опираясь на революционные традиции своих стран, уже переживших буржуазные революции. В России 1880-х гг., когда создавались первые марксистские кружки и группа «Освобождение труда», многие общественные деятели еще сомневались в возможности капиталистического развития страны⁶¹. В Германии же еще в 1869 г. была создана социал-демократическая партия, ставшая в конце XIX в. наиболее авторитетной марксистской партией в Европе. Ныне исследователи отмечают большое влияние германской социал-демократии на формирование РСДРП, что проявилось в использовании опыта немецких товарищей при создании общепартийной газеты, выработке программных установок, попытке организовать массовую

рабочую социал-демократическую партию и т.д.⁶²

Причины раскола в российской социал-демократии объясняются ныне и различиями в политических культурах большевиков и меньшевиков⁶³.

Вопрос, однако, заключается в том, когда возникли эти две субкультуры. Ведь Ленин и Мартов начинали свое активное участие в социал-демократическом движении почти одновременно. Они вместе участвовали в организации Петербургского «Союза борьбы» (1895), в союзе с Потресовым, Струве и Туган-Барановским создавали «Искру», сотрудничали с группой «Освобождение труда». Все они были в начале 1890-х гг. либо выпускниками, либо студентами юридического факультета или естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Ленин, Потресов и Струве вышли из дворянских семей, Мартов - из разночинцев. Они были людьми разных национальностей: русские Ленин и Потресов, немец Струве, еврей Мартов и татарин Туган-Барановский. Их в то время объединяли марксистская теория и социал-демократические идеи, и вполне можно сказать, что они представляли тогда одну политическую культуру. Все они поддержали и приветствовали I съезд РСДРП.

Однако затем их жизненные пути разошлись. Первыми от этой когорты отошли Струве и Туган-Барановский, но настоящий раскол произошел на II съезде РСДРП. Наверное, только с этого времени можно говорить о появлении в РСДРП двух политических субкультур⁶⁴.

Это проявилось, в частности, в выделении обычных для политических партий умеренных и более радикальных направлений. В рамках марксистской идеологии меньшевики остались на более демократических позициях, нежели большевики. Заметим, что меньшевиками стали все деятели группы «Освобождение труда», их поддержали члены ЦК, избранного на I съезде РСДРП, большинство членов редакции «Искры» и российских эмигрантских социал-демократических групп. Российское социал-демократическое движение начиналось преимущественно как демократическое с постепенным ответвлением от него радикально настроенных представителей, ставших в дальнейшем коммунистами. Большевики выступали за захват власти вооруженным путем; меньшевиков страшила гражданская война, и поэтому они были за союз с либералами и другими партиями социалистической ориентации, за участие в работе избранных населением представительных учреждений.

По мнению Н.А. Бердяева, большевики и меньшевики имели один и тот же конечный идеал, но вторые были против тоталитарной революции. Для Ленина марксизм был прежде всего учением о диктатуре пролетариата, а меньшевики не считали возможным установить ее в такой крестьянской стране, как Россия. Меньшевики хотели

24

соединить социализм с демократией и опираться на большинство народа, тогда как Ленин строил свои расчеты на победе подобранного им радикального меньшинства, для которых он был вождем. Поэтому ему была нужна централизованная, дисциплинированная партия, структура которой должна была стать моделью грядущей организации революционной власти в стране⁶⁵. Он строил эту партию в борьбе с социал-демократическими убеждениями меньшевиков, пока они не были физически ликвидированы советским режимом в 1920-х гг. История взаимоотношений двух фракций РСДРП показала, что тоталитаристские и демократические устремления несовместимы. А казалось бы, все началось с малого - с обсуждения § 1 партийного устава...

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: У р и л о в И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). 4.2. Историография. М., 2001.

² См.: З л о б и н В.И. Второй съезд РСДРП. Историография. М., 1980; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Смирнова М.И. Феномен возникновения российской социал-демократии. Историография. М., 1999.

³ З л о б и н В.И. Указ. соч. С. 85, 92, 128, 142. ⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 6, 9.

⁵ Овсянников А. А. Эпоха в советской исторической науке: В.И. Ленин. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 74-76; Смирнова М.И. Указ. соч. С. 23-25.

⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1997. С. 342; И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 13, 18.

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 19. С. 364.

⁸ См.: Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия. XXI. 1995. № 3[^]. С. 150; Т ю т ю к и н С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 234.

⁹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1. Берлин, 1930. С. 185, 189. ¹⁰ Жордания Н.Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 39; Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 6-7.

¹¹ Социалистический вестник. 1925. № 15-16. С. 11.

¹² Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова / Под ред. Ф. Дана, Б. Николаевского и Л.И. Цедербаум-Дан. Берлин, 1924. С. 8. Видимо, редакторы были и авторами предисловия.

¹³ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация России. Ярославль, 1994. С. 129. Позже Яковлев назвал судьбу российской социал-демократии «безмерно трагичной» // Яковлев А.Н. Кресто-сев. М., 2000. С. 56.

М а р т о в Л. Вперед или назад? Женева, 1904. С. 5.

¹⁵ Новые документы Н.К. Крупской о жизни и деятельности В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 67.

В советской историографии Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) рассматривался как оппортунистическая, националистическая и сепаратистская организация. Зарубежные историки видели в Бунде пропагандиста марксизма и основателя РСДРП, партию прозападного типа (Червякова М.М. О противоречиях Бунда // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 108; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 138, 139, 142).

¹⁷ См.: Второй съезд РСДРП. Июль - август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 193.

Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946. С. 280.

Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 181-182. Заявление Плеханова вызвало протест ряда делегатов (Там же). В 1918г. Плеханов категорически отказался признать целесообразность разгона большевиками Учредительного собрания, чем, по мнению, С.В. Тютюкина, существенно скорректировал свой тезис 1903 г. // Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 181-182.

²⁰ Николаевский Б.И. А.Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии // А.Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 46.

²¹ См.: Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870-1905. Т. 1. М., 2001. С. 395; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 60—61.

²² Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 262, 267.

См.: Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994. С. 83; Шерстянников Н.А. Меньшевистская альтернатива в Российской социал-демократической рабочей партии (1903 год-февраль 1917 года). М., 1999. С. 23; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории.